

Мокиенко Валерий Михайлович
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
mokienko40@mail.ru

Вальтер Харри
Грайфсвальдский университет, Германия

ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ¹

Аннотация: в статье предлагается сопоставительный анализ русских и немецких словарей фразеологической неологии. При всех общих тенденциях отражения нового материала в русской и немецкой лексикографической традиции наблюдаются видимые различия. Русская фразеологическая неология ориентирована на максимальную характеристику идиом и перифраз экспрессивного типа, в то время как в словаре немецкой неологической фразеологии в основном описываются устойчивые словосочетания (коллокации) терминологического и полутерминологического типа. В обоих языках при этом наблюдается влияние американских фразеологизмов и других устойчивых словосочетаний.

Ключевые слова: неологизм, неологический фразеологизм, двуязычная лексикография, неология, фразеологические кальки, американизмы.

Динамические процессы конца прошлого — начала XXI веков оставили глубокий след в языках Европы, в том числе в русском и немецком. Интенсивность и экстенсивность распространения фразеологических инноваций и специфика фразеологии как особого языкового уровня, отличающегося антропоцентричностью и особой квотой экспрессивности, требует их основательного лингвистического исследования. Среди комплекса проблем, возникающих при этом, доминантными являются поиски объективных и адекватных методов фронтального

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

межъязыкового сопоставления фразеологических неологизмов [Вальтер, Никитина, Гудкова, 2019, с. 17–21].

Общие параметры развития неологистики заданы экстралингвистическими факторами и потому кажутся соблазнительно очевидными. Но погружение в конкретный языковой материал и межъязыковое сопоставление делают это очевидное «невероятным». В целом — как это ни представляется парадоксальным — языковая плоть многих неологизмов в разных языках может оказаться более отличной друг от друга, чем традиционная материя литературных языков. Как показывает опыт синтетического описания так называемых «новых явлений» в русском языке [РЯК, 1996], общими в таком случае могут быть названы лишь некоторые *тенденции*, напр., демократизация нормы, а языковые элементы разного уровня реагируют на них по-разному.

Описание фразеологического материала поэтому ориентировалось на выбор между двумя принципиально возможными, но весьма различными направлениями глобального сопоставительного анализа современных языковых систем.

Направление первое подразумевает их комплексное сопоставление по соответствующим языковым уровням — фонетическому, словообразовательному, морфологическому, лексическому, фразеологическому, синтаксическому. При таком подходе оппозиция «Новое» : «Старое» для специализированного анализа неологизмов описания будет не столь релевантной, поскольку каждый исследователь хотя и обратит особое внимание на *неологику* соответствующего уровня, однако лишь в той мере, насколько она функционально значима для современного состояния той или иной языковой системы. Организация соответствующего материала по достаточно совместимым функционально-семантическим полям — поля Времени, Пространства, Действия, Количества, Эмоционально-экспрессивной характеристики человека и др. — могла бы обеспечить *семантико-функциональное сопоставление*.

Минус первого направления в неизбежности дублирования некоторых аспектов языкового анализа, уже проделанного специалистами соответствующего профиля.

Направление второе этого минуса как будто лишено, поскольку оно и нацелено на описание собственно новых процессов и явлений, характеризующих славянские языки сегодня. Это направление заманчиво именно своей сосредоточенностью на неологике всех языковых уровней, возможностью хронологически, тематически и функционально очертить и оценить это новое на всем пространстве сопоставляемых языков.

Второе направление в процессе работы над нашим словарем фразеологической неологии открыло и ещё более заманчивую перспективу — перспективу многоаспектного анализа **тенденций развития** языковых систем русского и немецкого языков в новейшее время. Здесь факты фразеологической неологии сопоставляемых по функциональному параметру языков отражают как общие, так и специфические тенденции процессов, вызванных динамизацией языковых систем в новейшее время. Такое **социофункциональное** (resp. функционально-стилистическое) направление, как кажется, позволяет сделать изучение фразеологической неологии более адекватным и соразмерным, несмотря на различие в подходах к неологии в России и Германии. Само понятие *неологизма* постоянно дискутируется, меняется и корректируется, что отражается как на объеме, так и на качестве соответствующего материала и его обработки. Для русской неологической лексикографии, организованной на основе концепции Ю. С. Сорокина и Н. З. Котеловой, характерен чисто прагматический подход: слово или фразеологическая единица (ФЕ), не зарегистрированное в предыдущих словарях (особенно толковых), считается новым [Котелова, 1978, 1988; Алаторцева, 1990]. В этом же русле — определение С. И. Алаторцевой [1999, с. 16]: «Новыми в литературном языке N-го периода времени могут быть признаны слова, значения и сочетания, представляющие собой как новообразования данного периода, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период». Автор этого определения справедливо подчеркивает, что оно «основано на представлении о многосторонней относительности понятия “новое”»,

на понимании неологизмов как социально-исторической категории» [там же].

Такое определение позволяет включать в корпус фразеологических неологизмов массу диалектных, разговорных, просторечных и жаргонных оборотов, которые по разным причинам (особенно — цензурно-редакционным, ориентированным на жесткую регулировку так называемой «культуры речи») не попали в предыдущие словари: *брать на лапу, раскрыть варежку, вешать лапшу на уши, рвать когти, забивать баки, до фени, в замоте* и т. п. Специальный лингвистический анализ нередко показывает, что их неологический статус, как и «точная» первая хронологическая фиксация в словарях «Новых слов и значений», весьма относительны. Так, оборот *раскрыть варежку*, употребленный В. Шукшиным в 1972 г. и отраженный в одном из словарей неологии, на поверку регистрировался уже диалектологами прошлого века и имеет внушительную славянскую «дальнобойность» (см. ниже). Выражение *рвать когти куда, откуда* ‘убегать от кого-, чего-л. в опасной ситуации’, квалифицированное как новое в словаре «Новые слова и значения-70», давно уже зафиксировано как жаргонизм в специализированном значении ‘бежать из-под стражи’ [Р-87, с. 157, 337; Бен 1982, с. 103] или в экспрессивном ‘уходить, поспешно удаляться откуда-л., бежать, удирать куда-л., откуда-л.’ [СРВС, III, с. 186, 223]. Оно употреблено еще в 1934 г. И. Ильфом и Е. Петровым и имеет славянские параллели, свидетельствующие о его «почтенном» возрасте.

Русские выпуски словарей «Новых слов и значений» всё более насыщаются именно такого рода «внелитературной» фразеологией. Пришедшая из собственно русской живой речи (особенно из диалектной и жаргонной), такая фразеологическая «неология» достаточно трудно соизмерима с фразеологией других языков, в том числе и немецкого, что делало ее весьма «твердым орешком» при работе над двуязычными словарями неологии. Основная методологическая проблема, возникающая при таком описании, — отсутствие собственно неологического *tertium comparationis*. Ведь требование системности вынуждает исследователей рассматривать каждый фра-

зеологический неологизм в рамках его более широкой структурно-семантической модели и даже шире — семантического поля. Например, целесообразно рус. *вешать лапшу на уши* сопоставить в контексте доминантной для жаргонной семантики группы фразеологизмов со значением ‘обманывать’. Эта группа является активной и количественно представляющей во фразеологических системах русского и немецкого языков. При ее системном рассмотрении в общем поле «Обман» исследователь, однако, должен был бы вовлечь в зону сопоставления не только новые фразеологизмы, а все традиционные обороты с этим значением. Но такой подход переключил бы анализ из второго («чисто» неологического) направления в направление первое, т. е. функционально-семантическое. В этом смысле теоретический и практический подход русской академической неографии в корне отличается от принципа отбора фразеологической неологистики авторов «Немецко-русского словаря неологизмов» Дорис Штефеен и Ольги Никитиной. В немецкой неографии основной акцент делается на мощный пласт технической (особенно компьютерной) терминологии и неологистики, ставшей обозначением, так сказать, «вещественных» реалий, характеризующих изменения последних десятилетий. Идиоматика экспрессивного типа, источником которой является немецкая разговорная речь, просторечие или жаргон, в этом основательном словаре — скорее исключение, чем, — как в русских академических справочниках — правило.

Вот лишь несколько примеров, инкрустированных авторами немецкого словаря неологизмов в его общий богатый корпус:

Ball: **den Ball flach halten**, hielt den Ball flach, hat den Ball flach gehalten

сдержанно реагировать на что-л., не поднимать шума вокруг чего-л.

обходить/обойти что молчанием; **разг. молчать в тряпочку**

Baustelle: (nicht) jmds. Baustelle sein

(не) входить в чью-л. компетенцию, (не) подходить, (не) годиться кому-л.

книжн. не моя епархия; не мое дело

Bereich: **im grünen Bereich**

без отклонений, в порядке, в допустимых пределах

разг. **в зоне безопасности**

Frosch⁽¹⁾: **jmdm. zeigen, wo der Frosch die Locken hat**

В словаре немецкой фразеологической неологии 2019 г.:
Generation Facebook

возрастная группа молодых людей, для которых общение в Интернете, особенно в социальных сетях, является само собой разумеющимся (преимущественно о людях, рожденных в 90-е гг. XX в.)

поколение Facebook [фейсбук], **поколение F** [эф]

Для сбалансированного сопоставления русской и немецкой фразеологической неологии, к сожалению, мы пока еще не накопили достаточно репрезентативного конкретного фактического материала и не разработали единой методики. Но можно уже сейчас констатировать, что работа в этом направлении позволила выявить *тенденции развития* фразеологической неологии в двух наших языках путем диагностики тех групп фразеологических единиц, которые ее формулируют. Характеризуя лексическую и фразеологическую неологику, исследователи отдают предпочтение словам и оборотам заимствованного характера, интернационализмам. Это и понятно: американизация и «европеизация» России и Германии оставляет достаточно заметный след и в неологии. Нужно подчеркнуть, однако, что количественно и качественно этот след в лексике значительно более рельефен, чем во фразеологии. В качественном отношении здесь преобладают не сочетания идиоматического типа, а публицистические клише-перифразы, имеющие во фразеологической системе «переходный» статус [Мокиенко, 1989, с. 214–222]: *голубые береты* ‘вооруженные части и подразделения, предоставляемые Совету Безопасности ООН странами — членами этой организации, десантники’ (наименование по детали формы военнослужащих, которая дополняется голубыми беретами или касками — ср. *голубые каски* и фр. *berets bleus* — Haudressy 1992, 27), *зеленые береты* ‘специальные части и подразделения в вооруженных силах

США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах' [Haudressy, 1992, с. 27], *черные береты* 'особые подразделения милиции, — отряды специального назначения (называемые так за цвет беретов)' [НСЗ-80, с. 878], *голубые каски* 'о вооруженных силах ООН; об их подразделениях' [НПЛ-78 — ср. фр. *casques bleus*; нем. *Blauhelm*; Haudressy 1992, с. 27; NWB-1998, с. 12], *медные каски* 'о военной верхушке, военном ведомстве США, Великобритании' [НСЗ-80, с. 315], *белая смерть* 'о сахаре, избыточное употребление которого вредно для организма', 'о снежной лавине в горах, несущей разрушения и смерть' [НСЗ-80, с. 73], *красная путина* 'о промысловом лове лососевых рыб', *красный эшелон* 'об агитпоезде' [НСЗ-80, с. 383] и т. п.

Такого рода обороты активно создавались или заимствовались из зарубежной прессы и в период социализма. Русский перифрастический материал такого рода недавно был лексикографически систематизирован [Новиков, 2004], что может облегчить и его потенциальное сопоставительное изучение. Сейчас, правда, такого рода перифразы-интернационализмы меняют свою стилистическую интонацию или «политическую ориентацию». Многие обороты такого рода насыщаются горьким ядом иронии. Таковы, например, употребления советских патетизмов типа *битва за хлеб (за урожай)* 'уборочная кампания' [Мокиенко, Никитина, 1998, с. 54], *зеленый друг* 'лес, зеленые насаждения, растительный покров' [Мокиенко, Никитина, 1998, с. 181].

Характерен в этом отношении оборот-символ полуфразеологического, полутерминологического типа — *новые русские*. Парадоксально, но факт: хотя явление, вызвавшее его к жизни, — собственно российское, сам этот оборот — американизм *new Russians* с французским (*nouveaux riches*) языковым прототипом. Укоренившись в русском языке и обогатившись многими вариантами, он развил целую цепочку иронически окрашенных «этнонимических» наименований: *новые эстонцы*, *новые латыши кулаки* и т. п. [Козлова, 1999; Мокиенко, 1999].

Лишь немногие из подобных перифраз — даже маркированных, как мы видим, «отечественным» этнонимическим

компонентом — можно квалифицировать как собственно русские. А еще меньшим «собственно славянским» оборотам уготована судьба интернационализмов. Таким оказалась знаменитая чеш. *sametová revoluce* — рус. *бархатная революция* — пол. *aksamitna rewolucja*, англ. *the Velvet Revolution* ‘лишение власти коммунистов в Чехии и Словакии’.

Более типичен сейчас, конечно, путь интернационализации славянской фразеологической неологии, направленный с Запада. Перестройка с реформами М. С. Горбачева принесла в русский и другие славянские языки и ряд активно употребительных ФЕ-символов нашего времени. Характерно, однако, что в отличие от названных выше словосочетаний перифрастического типа, такие выражения более органично врастают в плоть славянских языков, адаптируются в последних с ориентацией на «родное» контекстное окружение и коннотативное поле. Так, оборот *быть в одной лодке* в русском языке — законное дитя перестройки, и до сих пор еще помечено родимым пятном так называемого «нового мышления» [Mokienko, 1997]. Не случайно поэтому первые стабильные употребления оборота встречаются в речах, интервью и других публичных выступлениях «архитектора перестройки» М. С. Горбачева.

Яркий морской образ оборота может создать впечатление, что он — абсолютно оригинален и свеж. Предварительное лингвистическое исследование языка перестройки специалистами (В. Г. Костомаров, А. Д. Дуличенко, Л. Ферм, Д. Одресси и др.), однако, показало, что и этот язык во многом рождался под прессом политической риторики. Выражение *в одной лодке* — именно публицистический штамп, широко употребляемый в европейской и американской прессе: англ. *to be in the same boat* (букв. быть в одной лодке), нем. [*zusammen*] *in einem Boot sitzen* ([вместе] сидеть в одной лодке), фр. *être embarqué sur le même bateau* (сидеть на одной лодке) и т. д.

В современных европейских языках это выражение — а м е р и к а н и з м. Как убедительно показал в специальном очерке, посвященном этому обороту в немецком языке, американский исследователь пословиц и поговорок В. Мидер [Mieder, 1990; 1995], оно восходит к латинскому *in eadem es*

navi (быть в той же самой лодке; в том же судне) и имеет, по мнению историков античных крылатых слов, конкретного автора. Им считается Марк Туллий Цицерон, в речах которого этот оборот первоначально связывался с популярной в то время метафорой политического «государственного судна» (*ship of state*), так же как и с характеристикой солидарности на политической арене. Благодаря популярности сборника пословиц Эразма Роттердамского (1469–1536) «*Adagia*» (1500 и сл.) эта поговорка переведена на многие европейские языки.

Адаптация европейских американизмов *в одной лодке и раскачивать лодку*, разумеется, как и в других случаях языкового заимствования, имела и свою русскую специфику. Семантически это отразилась в уже отмеченной «перестроечной» окрашенности, инициированной употреблениями первого оборота М. С. Горбачевым [Mokienko, 2019, 25 сл.]. Фразеобразовательно она выражается в создании новых оборотов — в том числе и контаминированных. Таковым, например, является выражение *упускать/упустить лодку* ‘не пользоваться благоприятной возможностью, упускать случай, шанс’. Оборот образован скрещением последнего, «лодочного» выражения с идиомой *упустить поезд*.

Легко предположить, что именно фразеологические неологизмы-кальки с американского варианта английского языка обнаруживают наибольшее сходство в русском и немецком языках. И такое предположение, действительно, подтверждается конкретными примерами. Так, современная пословица *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* [ШСП, 2002, с. 248] — ‘бесплатно ничего не дается; брать то, что достается даром, рискованно: доступное и дешевое может оказаться ловушкой’ и образованный от нее фразеологизм *бесплатный сыр* находит полную аналогию в немецком языке: *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle* [Walter, 2019a, S. 138–139].

В то же время каждый из двух сопоставляемых языков по своему адаптировал эту поговорку. В русском языке она подверглась оригинальным трансформациям в духе «антипословичного» фольклора: *Бесплатно только птички поют; Бесплатный секс бывает только в мышеловке; Дешевый сыр*

бывает только в мышеловке; Дорогой не положат... ; Если вы попали в мышеловку, требуйте обещанный бесплатный сыр; Если уж мышеловка захлопнулась, надо хотя бы доесть сыр; Халява бывает только в мышеловке; Ранняя пташка зерна склюет?! Зато бесплатно сыр достается только второй мышке [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 472; Вальтер, 2019, с. 28–30]. В немецком же языке некоторые типы таких фразеологических трансформ отсутствуют.

Лексикографическая характеристика такого рода фразеологических неологизмов является целью научного проекта (поддержанного грантом РФФИ) «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии». Научная задача, на решение которой направлен проект, — составление «Словаря русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. — 2000–2019 гг. XXI в.)». В идеографической части словаря (тематический индекс) будут представлены блоки понятий и явлений современной жизни, отраженные в новой русской фразеологии. Предполагаемый объем исследуемого материала — около 7000 новых устойчивых словосочетаний русского языка. Опыт его создания будет иметь теоретическое и практическое значение как для отечественной лексикографии (resp. неографии), так и для создания аналогичных словарей других языков, в том числе и двуязычных словарей фразеологической неологии. Одним из таких словарей станет и предлагаемый «Русско-немецкий словарь фразеологических неологизмов».

Если окинуть общим взглядом рассмотренные конкретные примеры русской и немецкой фразеологической неологии (естественно, спорадичные из-за неизбежного лимита места), то мы заметим, что по семантике и функции они членятся на 2 принципиально различные группы:

1. Семантико-функциональные неологизмы, которые входят в идеографические ряды, объединяющие их с неологизмами лексическими.

Эта группа рождена динамической потребностью обозначать собственно новые явления и факты. Сюда относятся, например, уже названные обороты типа *«разноцветные» береты, медные каски, черный ящик, черная дыра, белая книга, красный эшелон,*

цепная реакция, обратная связь, возить воздух, сдавать [квартиру] под ключ, утечка мозгов (умов), промывать мозги, бархатная революция, оранжевая революция, новые русские и под.

Многие единицы этой группы имеют «полуфразеологический» статус, характерный, как уже говорилось, для перифрастики. С одной стороны, обозначая новые явления действительности, неизвестные прежде понятия, явления, процессы, они выполняют необходимую для этого номинативную функцию, в силу чего приближаются к устойчивым терминам и номенклатурам. С другой же стороны, более пристальный взгляд на такие «номинативные» обороты, как *утечка мозгов* или *защита от дурака (дураков)* ‘автоматическое предохранительное устройство, ограждающее сложную техническую систему от не предусмотренных программой действий’ [НСЗ-80, с. 251] показывает, что перед нами — не та «классическая» новизна информации, которая характерна для типичных неологизмов-лексем или составных терминов. Здесь оценочный, коннотативный элемент преобладает над чисто номинативным, денотативным. Иное дело — и это исследователи неологистики часто смешивают с общефразеологической неологичностью — неологизмы-компоненты в составе фразеологизма.

2. Стилистико-функциональные неологизмы, в идеографическом спектре адекватные экспрессивно-эмоциональной матрице, характерной не только для русской, но и для немецкой лексико-фразеологических системы. Эта группа фразеологизмов не обозначает новых явлений действительности, а рождена потребностью экспрессивной «перезарядки» фразеологии, необходимостью по-новому, иными языковыми средствами обозначать старые факты и явления. К ним относятся обороты типа *раскрыть варезку, рвать когти, вешать лапшу на уши, забивать баки, блин горельй, вставить фитиль, коньки отбросить, кегли откинуть, труженица легкого поведения* и мн. др. [Мокиенко, 2003].

Вторая группа неологических оборотов более «фразеологична» по своему функциональному статусу и образует активные синонимические ряды и структурно-семантические модели. При ее классификации поэтому вполне пригодна как общая

синхронная идеографическая матрица, разработанная для идиоматического фонда [Мокиенко, 1982], так и матрица диахроническая [Фелицына, Мокиенко, 1999, с. 393–397]. При описании и сопоставлении такой неологике особо значимыми становятся экспрессивно-стилистические, а не собственно номинационные параметры, которые, собственно, и составляют ее функциональную новизну.

Первая группа фразеологической неологике, обозначая новые реалии, тяготеет, следовательно, к сфере денотации, вторая — к сфере коннотации. Это означает, что в первой весьма много оборотов перифрастического, полутерминологического, а следовательно — полуфразеологического типа. Нельзя не подчеркнуть при этом, однако, что между этими двумя группами немало и переходных случаев, поскольку отмеченная оппозиция «денотативность» <> «коннотативность» в них выражена как *тенденция к тому или иному полюсу*. Коннотативные семы, собственно говоря, наличествуют даже у таких перифрастических оборотов номинационного типа, как *голубые береты* или *медные каски*, не говоря уже о *труженице легкого поведения* или *ночной бабочке*. Детальное сопоставление русских и немецких наименований проституток в официальной речи и жаргоне [Вальтер, Мокиенко, 2002] не только показывает экспрессивную заряженность большинства из них, но и выявляет существование детализированной шкалы, социально и коннотативно их градуирующей.

Сопоставление русской и немецкой фразеологической неологике необходимо вести с постоянным учетом специфики названных двух групп. Уже первый опыт нашего анализа показал и необходимость принципиально различной *методики интерпретации материала*, входящего в эти группы, и его разнокачественность по оси «общее» <> «специфичное» (resp. «универсальное» <> «национально специфичное»).

Первая группа формируется преимущественно либо из интернационализмов, либо генерируется из собственных языковых ресурсов как «штучный» в семантическом и структурном отношении «товар». Вторая же группа, питаясь идеографическими соками как собственной, так и инославянской (шире —

общевропейской) систем, вырастает и разрастается из древних *структурно-семантических моделей* [Мокиенко, 2018, с. 57–58]. Поэтому анализ второй группы фразеологических неологизмов неминуемо приведет к необходимости «челночного движения» исследователя этой проблемы. Даже начав с узко очерченного круга актуальных неологизмов, исследователи фразеологической неологии должны обращать внимание на общую картину европейского фразеологического мира, который любое свежеспеченное «новое» превращает в никогда не забываемое языком «старое».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаторцева С. И.* Проблема неологии в истории русской лексикографии // Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1990. С. 96–101.
2. *Бен-Якоб Б.* Словарь аргю ГУЛАГа. Frankfurt/Main: Posev-Verlag. 1982. 149 с.
3. *Вальтер Х.* Из истории русских англицизмов: Бесплатный сыр или бесплатный завтрак? // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). „WEST-EAST“. Vol. 1, N1, March 2019. Tbilisi: Publishing House “UNIVERSAL”. С. 27–34.
4. *Вальтер Х., Мокиенко В.* Москва. Новая языковая жизнь древнейшей профессии // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М. А. Алексеенко. Москва: «Азбуковник». С. 79–107.
5. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева». 576 с.
6. *Вальтер Х., Никитина О. А., Гудкова О. А.* Ното loquens: языковая личность в зеркале немецкой идиоматики XXI века. Монография. Szczecin: VOLUMINA. 125 с.
7. *Козлова Т. В.* «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. Москва: «Языки русской культуры». — с. 97–107.
8. *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1978. С. 5–26.
9. *Мокиенко В. М.* О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. Москва: «Русский язык». С. 108–121.
10. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. Москва: «Высшая школа», 1989. 287 с.
11. *Мокиенко В. М.* Фразеологическая система в периоды социально-политических и идеологических кризисов // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. Международный

комитет славистов, комиссия по славянской фразеологии. Оломоуц. С. 4–6.

12. Мокшенко В. М. Новые русские: штрихи к языковому портрету // VII. Internationale Konferenz.russisch an der Schwelle des 21. Jahrhunderts: Entwicklung einer ethnokulturellen Kompetenz im Unterrichtsprozess. Berlin 1998. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, ZE Sprachenzentrum. S. 60–69.
13. Мокшенко В. М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej. 168 s.
14. Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Фолио-Пресс». 704 с.
15. Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка. 2-е изд. — Москва: Русский язык, 2004. — 224 с.
16. НРЛ-78: Новое в русской лексике: Словарные материалы-78 / Н. Г. Герасимова, Н. З. Котелова, Т. Н. Поповцева, В. П. Петушков. — Под ред. Н. З. Котеловой. М.: «Русский язык», 1981. 262 с.
17. НСЗ-80: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, Е. П. Холодова и др. — Под ред. Е. А. Левашова; РАН. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. 904 с.
18. Р-87: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Предисловие Алена Безансона. Overseas Publications Interchange Ltd. London.; Изд. 2-е (в двух частях), дополненное. Текст проверен Н. Горбаневской. М.: «Просвет», 1991. 546 с
19. РЯК 1996: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Отв. ред. Е. А. Земская. «Языки русской культуры». Москва. 480 с.
20. СРВС: Козловский В. Собрание русских воровских словарей в четырех томах. Тт. 1–4. New York: Chalidze Publications, 1983.
21. Фелицына В. П., Мокшенко В. М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М.: «Русский язык», 1990. 222 с.
22. ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб.: «Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 352 с.
23. Haudressy Dola. Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité (= Новые слова. Отражают события 1991 года. Словарь-справочник). Paris: Institut d'études slaves, 1992. 269 p.
24. Mieder W. 'Wir sitzen alle in einem Boot'. Herkunft, Geschichte und Verwendung einer neueren deutschen Redensart // Muttersprache. Nr. 100, 18–37.
25. Mokienko V. Die russische Geschichte des Amerikanismus «Wir sitzen alle in einem Boot» // Proverbium 1997 (14), S. 231–245.

26. NWB-1998: Neue Wörter und Bedeutungen.russische Lexik der 90er Jahre. Zusammengestellt von E. Kanowa, W. Egert, V. Mokienko. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. ZE Sprachenzentrum. 70 S.
27. *Walter, H.* Der amerikanische Käse in der russischen und der deutschen Mausefalle // 13. Deutscher Slavistentagtagungsprogramm — Abstrakta — Praktische Hinweise. Trier, 24–26. September 2019. A. Bierich, T. Bruns, E. Lüdke (Hg.). Berlin: Frank & Timme. S. 138–139.

Mokienko Valeriy

Saint Petersburg State University, Russia

Walter Harry

The University of Greifswald, Germany

THIRD MILLENNIUM REFLECTED IN THE DICTIONARIES OF RUSSIAN AND GERMAN PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS

Abstract: The article presents a comparative analysis of Russian and German dictionaries of phraseological neologisms. Despite a number of shared trends in the reflection of new material in the Russian and German lexicographic traditions, visible differences are observed.russian phraseological neography is focused on the idioms and periphrases of the expressive type, while the German neological phraseology dictionary mainly describes stable phrases (collocations) of the terminological and semi-terminological type. In both languages, the influence of American phraseological units and other stable phrases is observed.

Key words: neologism, neological phraseological unit, bilingual lexicography, neography, phraseological calks, Americanisms.